

Из ранней истории

Елена ГОВОР

СУДЬБА ПРЕВРАТНОГО СЧАСТИЯ или ТАЙНА ДЖОНА ПОТОЦКОГО

Они уходили на кораблях, Потрепанных, как века, И тот, кто не ведал, что значит страх, -Вънгрывал наверняка. Едва ли знали, куда и зачем, Решат океаны и рок. В неизвестность кидались, рискуя всем, В те дии, когда мир был широк.

И новые звезды будили они В чужих молчащих морях. У края земли проводили дни, В диковинных городах.

Из Генри Лоусона "Когда мир был широк" (пер. Г. Усовой)

В центре Хобарта в мемориальном парке, посвященном основателям колонии, прибывшим сюда с тасманийским "первым флотом" в 1804 г., на стене рядом с уцелевшими надгробиями первых поселенцев можно отыскать небольшую металлическую табличку с надписью "Джон Потэски. Прибыл в Хобарт 18-2-1804. Умер 31-8-1824". Установлена она по инициативе его многочисленных австралийских потомков. Кем же был этот человек с таким странным именем? О нем писали австралийские исследователи, по крупицам собирали сведения его потомки, и даже второй номер "Австралиады" содержал заметку Н.Мельниковой о нем. Но до сих пор судьба его являет больше загадок, чем отгадок. Каковы были его подлинные фамилия и имя; откуда он происходил и почему покинул родину; из кого состояла его семья; и, самое интересное, что за человек он был? Чтобы ответить хотя бы на некоторые из этих вопросов, я попытаюсь свести воедино русские и австралийские свидетельства.

Когда русские корабли "Крейсер" и "Ладога" зашли в мае 1823 г. в Хобарт, небольшое поселение на краю света, моряки с удивлением обнаружили четырех человек, знающих русский язык. Одним из них и был местный житель, известный ныне под именем Джон Потэски. Об этой встрече рассказал в своей книге 1832 г. капитан "Ладоги" Андрей Петрович Лазарев. При ее публикации редактор изъял из текста упоминание о фамилии встреченного моряками человека. Недавно петербургский историк Александр Массов обнаружил, что в рукописи книги Лазарева эта фамилия была указана. Процитируем описание этой встречи по рукописи Лазарева, без последующей редакторской правки:

"В Гобарте видели мы четырех человек, знающих русский язык, в том числе одного пожилых лет уроженца белорусского Потоцкого; ежели верить словам его, он в царствование императрицы Екатерины II был нашим армейским офицером и судьбами превратного счастия занесен в Англию, а оттуда в 1804-м году отправлен на Вандимиеновый остров в числе преступников; с 1810-го года он пользуется свободою, имеет в городе дом, жену и взрослых детей, что могло бы служить очевидным доказательством незазорного его поведения; но губернатор и чиновники отозвались о нем очень дурно, а потому мы не имели к нему доверенности; в скором времени он был уличен в покраже баранов, за что и попал в тюрьму. Вот каковы плоды свободы для развратного человека.

Пред отправлением нашим мы послали к Потоцкому один экземпляр Нового Завета на русском языке, а другой экземпляр на французском языке подарили французу, еще не освободившемуся от желтого мундира; мы сердечно пожелали, чтобы чтение божественного

учения им послужило в пользу".

Свидетельство Лазарева очень важно, так как он точно указывает фамилию нашего героя - Потоцкий (Potocki в польском написании) - что позволяет исключить предположение, что фамилия его была Потоуски (Potowski), как считал австралийский историк Лех Пашковский, а тем более Потаски или Потэски, как называлии его в австралийских документах, и как произносят эту фамилию его австралийские потомки. Надо отметить, что в Австралии его фамилия имела свыше десяти

Меморнальная доска в Хобарте, установленная потомками Потоцкого

способов написания (Potaski, Potaskie, Potaskee, Potasky, Poteskie, Pataskie и т.п.). Лазарев не назывет имени Потоцкого, но очевидно, что имя Джон, под которым тот жил в Австралии, совершенно не характерно для славянских языков. Можно, конечно, предположить, что Джон - это англизированное Ян или Иван, но есть основания и для другого предположения. Согласно данным Тасманийского генеалогического общества на надгробной плите Потоцкого (не сохранившейся до наших дней) было написано "Петер Патоский" (Peter Patoskey). Характерно, что это единственный случай, когда фамилия его была транскрибирована по-английски очень близко к русско-польскому произношению. Имя Петер, Петр распространено в славянских языках и вполне возможно что именно таковым было подлинное имя Потоцкого, известное его жене и детям, поставившим

эту надгробную плиту. Окончательно решить вопрос о его имени могут лишь документы о Потоцких, хранящиеся в русских и польских архивах.

фамилия Потоцкий и другие сведения, указанные Лазаревым, дают ключ и к вопросу о социальном происхождении Потоцкого. Потоцкие принадлежали к польской аристократии, их обширные земельные владения находились на территории нынешних Польши, Украины и Белоруссии. Представители этого рода играли важную роль в польской истории. После присоединения к России левобережной Украины (1654) и разделов Польши (1772, 1793, 1795) некоторые из Потоцких пошли на русскую службу и обрусели. Так очевидно произошло и с нашим Джоном Потоцким, ставшим офицером в русской армии - не удивительно, что ему, как аристократу, была открыта дорога к офицерскому званию. В этом свете утверждение австралийских историков Пашковского и Марджори Типпинг о том, что Потоцкий не был дворянином, кли предположение одного из его потомков о том, что Потоцкий был евреем, конечно, весьма маловероятны. Не имеет достаточных оснований и мнение Типпинг о том, что Потоцкий был иеграмотным - как аристократ и русский офицер он должен был владеть грамотой. Кроме того, ведь русские моряки оставили ему "Новый Завет" на русском языке в надежде, что он будет читать его.

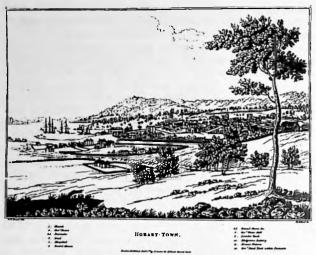
Кем же считать Джона Потоцкого? Лазарев назывет его "уроженцем белорусским", никаких других документальных свидетельств о его месте рождения в настоящее время не известно, тем не менее в Австрални сложилось мнение (Пашковский, Типпинг, Дж. Донохо), что Потоцкий был поляком. Таковым считали его и некоторые современники. Формально это верно, так как территория Белоруссии входила в состав Польши до ее разделов. Вместе с тем значительная часть населения Белоруссии и Украины уже в XУIII веке осознавала себя отличающимся от поляков этносом. Не случайно Потоцкий представил себя русским морякам как "уроженца белорусского" т.е. принадлежность к земле, краю, где он родился, были для него важнее территориальной подчиненности этой земли и его собственного этнического происхождения. Есть и еще одно любопытное свидетельство. Австралийский историк Мэннинг Кларк писал, что среди ранних ссыльных был один украинец. Кого он имел в виду, к сожалению, установить невозможно, по данным Донохо украинцев среди ссыльных не было (Потоцкого Донохо считает поляком), и поэтому вполне вероятно, что Кларк имел в виду Потоцкого, и ему был известен какой-то документ, где место рождения Потоцкого было указано как Украина. В то же время, несомненное знание русского языка Потоцким, его служба в русской армии, интерес к встрече с русскими моряками, их надежда, что он будет читать русский "Новый завет" - все это свидетельствует о том, что он отождествлял себя и с русским народом, с русской культурой. Возможно когда-нибудь тайну происхождения Потоцкого и удастся раскрыть, но есть глубокий символизм в том,

что Потоцкий, уроженец польско-белорусско-украинско-русского пограничья, как бы объединял в себе эти четыре братских славянских народа, и все они могут гордиться тем, что у истоков австралийской нации стоял их соотечественник.

Как же сложилась жизнь нашего героя? На момент суда и высылки его из Англии в 1802-1803 г. он сообщил, что ему было 40 лет, т.о. он родился около 1762-63 гг. Хронологически это вполне соответствует его утверждению, что он служил в русской армии во времена Екатерины II (т.е. между 1762-1796 гг.), а также впечатлению Лазарева, которому в 1823 г. Потоцкий показался человеком пожилых лет. Менее достоверна дата его рождения 1774 г., которая следует из записи о его смерти в 1824 г. (50 лет). Со слов Потоцкого мы знаем, что он служил в русской армии, как, кстати, и некоторые другие Потоцкие. Это произошло очевидно в 1780-х и возможно в начале 1790-х гг. Даже если он и не служил в армии, то несомненно он долгое время был каким-то образом связан с русскими, так как знание им русского языка в 1823 г. является несомненным фактом. Что же произошло после этого? Многозначительная фраза Лазарева "судьбами превратного счастия занесен в Англию" и тот факт, что фамилия Потоцкого была изъята из рукописи при публикации книги в 1832 г. (вскоре после польского восстания 1830 г.), дает некоторые основания для следующей версии. После второго раздела Польши в 1793 г., началось героическое национально-освободительное восстание поляков под руководством Тадеуша Костюшко, его поддерживали польская шляхта и аристократия, в том числе некоторые Потоцкие. Вполне вероятно, что и наш Потоцкий дезертировал из русской армии и присоединился к армии повстанцев, а после 1794 г., когда восстание потерпело поражение, бежал, как и многие другие повстанцы, из Польши, и в конце-концов оказался в Англии. В "Истории Польши" упоминается, кстати, некий Петр Потоцкий, эмигрировавший в 1790-х гг. Во всяком случае, будь события именно таковы, не удивительно, что Лазарев смог сделать лишь намек на них.

Более достоверной является следующая часть его жизни. В конце 1790-х гг. Потоцкий женился на ирландке Кэтрин Сулливан (Catherine Sullivan) происходившей из провинции Коннаут, в восточной Ирландии, около 1800 г. у них родился сын Джозеф. Семья, вероятно, очень бедствовала, ведь если у Потоцкого и было в Польше состояние, то теперь он его лишился, и едва ли он владел каким-либо ремеслом. Во всяком случае, видно, крайняя нужда толкнула его зимой 1801 г. на кражу мотка тесьмы и других галантерейных мелочей в магазине Полларда в городке Ньюхейвен на южном берегу Англии (графство Суссекс). 27 марта 1802 г. состоялся суд над ним в городе Хоршем, он был признан виновным и осужден на 7 лет ссылки. Из тюрьмы в Хоршеме его перевели в тюрьму-корабль в Лэнгстоне, недалеко от Портсмута, где заключенные дожидались высылки в Австралию. Проведя год в тяжелейших тюремных условиях, Потоцкий был наконец привезен на "Калькутту", где условия были не намного лучше, но где он, к большой радости, обнаружил свою жену Кэтрин и трехлетнего Джозефа. Они готовы были разделить с ним путь в неведомое - ведь "Калькутта", в отличие от других кораблей с ссыльными, направлялась не в обжитой Сидней, а к необитаемым южным берегам Австралии, где предполагалось основать поселение, чтобы предотвратить захват этих территорий французами. Мы очень мало знаем о Кэтрин, этой простой ирландской женщине; в отличие от жен декабристов о ней никто не слагал стихов. То, как относился к ней Джон, он сказал в одном слове: когда, зачав и выносив ребенка на корабле, Кэтрин родила девочку в устье реки Дервент, в день провозглашения нового поселения Хобарт, Джон не колеблясь выбрал имя для своей дочери. Кэтрин - в честь матери, Кэтрин - как символ их любви, верности и надежды.

Жизнь ссыльного на краю земли с двумя маленькими детьми была очень трудна, некоторые их спутники по путешествию вскоре умерли от цынги, и в последующие годы молодую колонию не раз охватывал голод. Но они выжили наперекор всему, и даже имели как минимум еще двух детей – дочерей Анну и Элеонор (Элен). Документов об их крещении нет, но в переписи 1818 г. упоминается, что у Кэтрин Потоцкой было трое детей (кроме Джозефа), об этом же свидетельствует и Лазарев в 1823 г., упомянув, что Потоцкий имеет жену и взрослых детей (Джозефа к тому времени уже не было в живых). Жизнь семьи постепенно налаживалась. К 1810 г. Джон получил свободу и занялся фермерством.

Хобарт-таун в начале XIX в. Из книги Дж.Эванса "Географическое, историческое и топографическое описание Ван-Дименовой Земли", Лондон, 1822.

На имя Кэтрин они получили от губернатора участок земли на плоскогорье Кларенс Плейнс. В 1815 г. Потоцкий упомянут среди жителей деревушки Кэнгуру Поинт. Здесь же, на восточном берегу Дервента, он арендовал участки земли и выращивал пшеницу, в чем добился превосходных результатов. По свидетельству Дж.Эванса, в 1816 г., когда в колонии еще не существовало никаких прогрессивных методов земледелия, Потоцкий замечательных успехов, один вырастив пщеницы больше, чем требовалось колоннальным властям для годового казенного запаса. По переписи 1819 г. Потоцкие владели также стадом коров и Сын Потоцкого занимался скотоводством и также получил от колониальных властей

участок земли. Потоцкие стремились передать детям свои духовные ценности. Вопреки тому, что в колонии до 1821 г. не было католического священника, они смогли вырастить детей католиками, от родителей же дети, по-видимому, научились читать и писать. Но влияние окружающей среды было сильнее...

В сентябре 1820 г. на семью обрушилось горе - Джозеф с группой соучастников был арестован за ограбление дома А.Траппа. Это было, очевидно, кульминацией давно тлевшей вражды между Траппом и Потоцкими, связанной с попыткой Джона Потоцкого купить имение Гейлстон, которое он арендовал и где Трапп был управляющим, - нравы были жестокими и без знания всех деталей полную картину событий восстановить невозможно. Суд приговорил Джозефа Потоцкого и его товарищей к казни, которая состоялась в Хобарте 28 апреля 1821 г. Мы можем представить, что пережили его родители, и что пережила его сестра, 17-летияя Кэтрин, ведь вместе с Джозефом повесили и Роберта Хантера, соучастника ограбления, который по всей видимости был отцом ее незаконнорожденного 11-месячного сына Билли. И когда, спустя два года, у нее родился второй сын, она назвала его Джозеф - как залог любви и верности своей семье, как протест против жестокости окружающего мира. А ее первенец, Билл, умер не дожив до трех лет...

Через два года после казни Джозефа русские моряки встретились с Джоном Потоцким, и тут же губернатор Сорелл и местные чиновники поспешили дурно отозваться о нем, и русские утратили к нему доверие. Вскоре он попался на краже баранов. Один современник называл его "неисправимо плохим человеком", но я думаю, что натура его была гораздо сложнее. Зачем бы ему, 60-летнему старику, владельцу дома, земли, скота, понадобились чужне бараны? Не было ли это символической местью глубоко несчастного человека жестокой и несправедливой судьбе, которая лишила его родины и чести, обрекла на жизнь вечного изгоя, вынудила растить детей в криминальном и развратном окружении? Не знаю, примирил ли его с судьбой "Новый завет", присланный русскими моряками, но хочется верить, что в августе 1824 г. он уходил из жизни с надеждой - за два месяца до его смерти его дочь Кэтрин обвенчалась в католической церкви с Эдвардом Макдоналдом, ссыльным из Ирландии, который был отцом ее маленького Джозефа. Под крышей небольшой католической церкви священник Коннолли благославил ее на новую жизнь, которая должна была быть более счастливой, чем жизнь ее родителей.

И действительно, дочери Джона Потоцкого Кэтрин и Анна стали основательницами больших династий. У Кэтрин было 13 детей, у Анны - 6 (о детях

Элеонор пока ничего не известно). Семья Кэтрин и Эдварда Макдоналда поселились в сельской местности к югу от Хобарта, а в начале 1850-х гг. вместе с Кэтрин Потоцкой, вдовой Джона, перебралась в Викторию, в Джилонг, где Кэтрин-старшая и умерла в 1855 г. Кэтрин-младшая умерла там же в 1877 г., окруженная многочисленными потомками. Семья Анны поселилась в северной части Тасмании, в Лонсестоне, где Анна умерла в 1900 г. В письме ко мне от 6.02.1996 Мэри Пурселл, правнучка Джозефа (сына Кэтринмладшей), написала о последней заповеди ее предков: "Мы полагаем, что после переезда части семьи с Тасмании в Викторию около 1853 г., они приложили все усилия к тому, чтобы изгладить память о тяжелых годах ссылки и начать новую жизнь в Виктории". И к XX в. память о мрачном прошлом, как казалось, навсегда исчезла из семейной истории. Но интерес к своим корням привел энтузиастов-историков семьи в 1980-х гг. к "открытию" Кэтрин и Джона Потоцких, к осмыслению их судьбы и к уважению этих по-своему героических людей. Сейчас в Австралии живет уже девятое поколение потомков первых Потоцких, и их общее число перевалило за полторы тысячи. Они

Дочь Джона Потоцкого Кэтрин Макдоналд (1804-1877)

регулярно проводят семейные встречи, являясь членами Ассоциации первых поселенцев города Хобарта. В 1987 г. Мэри Пурселл свела воедино и опубликовала все известные сведения об этой огромной семье и составила их генеалогическое

древо, занимающее ныне 55 страниц. Она же позвонила Н.А.Мельниковой, прочитав ее замечание о Потоцком в журнале "Острэйлиэн", благодаря чему мы смогли соединить результаты наших исследований.

И теперь, когда я задумываюсь о превратностях судьбы Джона Потоцкого, об испытаниях и горе, которые могут выпасть на долю одного человека, мысль о его потомках всегда наполняет меня глубоким оптимизмом.

Фотографии к статье любезно предоставлены Мэри Пурселл.

Литература: А.П.Лазарев. Плавание вокруг света на шлюпе Ладоге..., СПб.,1832; Рукопись книги Лазарева см. РГА ВМФ, ф.315, оп.1, д.27, лл.40 об.-41; The Archives Office of Tasmania, Register of Baptisms, Marriages, Burials; The Archives Authority of NSW, Convict indents; Colonial secretary papers; Genealogical Society of Tasmania, TAMIOT Records; Hobart Town Gazette; M.Purcell, By degrees: a story of the Potaskie/McDonald family, 1802-1987, [Melbourne], 1987; M.Purcell, By degrees... Supplement, [Melbourne], 1991; V.Fitzhardinge, 'Russian Ships in Australian Waters, 1807-1835', Journal of the Royal Australian Historical Society, vol.51, pt.2, 1965, pp.138-139; M.Tipping, Convicts Unbound, [Melbourne], 1988, pp.29, 163, 301; L.Paszkowski, Poles in Australia and Oceania, Sydney, 1987, p.4; C.M.H.Clark, A History of Australia, vol.1, Melbourne, 1985, p.94; J.H.Donohoe, The Forgotten Australians, Sydney, 1991, p.93; I.Schaffer, Land Musters, Stock Returns and Lists, Van Diemen's Land, 1803-1822, Hobart, 1991; The Australian People, North Ryde, 1988, p.735.